

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
Центр интеллектуальной истории

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY
Centre for Intellectual History

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2008 Выпуск 24

Редакционный совет

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный
университет Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН

Констанс БЛЭКВЭЛ
Международное общество
интеллектуальной истории

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЬГИНА
Ставропольский
государственный университет

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН

И. Н. ДАНИЛЕВСКИЙ
Институт всеобщей истории РАН

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет

Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ
Томский государственный университет

Г. П. МЯГКОВ
Казанский государственный университет

И. В. НАРСКИЙ
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

М. Ф. РУМЯНЦЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

И. М. САВЕЛЬЕВА
Государственный Университет —
Высшая школа экономики

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России

Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный университет

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

Главный редактор

Л. П. РЕПИНА

Заместитель главного редактора

М. С. ПЕТРОВА

Члены редакционной коллегии

**М. С. БОБКОВА, И. В. ВЕДЮШКИНА, В. А. ВИШЛЕНКОВА,
В. В. ЗВЕРЕВА, И. Н. ИОНОВ, С. Я. КАРП, М. С. КИСЕЛЕВА,
С. И. МАЛОВИЧКО, А. Ю. СЕРЕГИНА (отв. секретарь), С. А. ЭКШТУТ**

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ. Альманах интеллектуальной истории. 24.

М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. — 416 с.

DIALOGUE WITH TIME. Intellectual History Review. 24.

Moscow: KD “LIBROCOM”, 2008. — 416 p.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.

Адрес редакции:

119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1517

Тел. (495) 938-53-91

Web-страница: <http://www.igh.ras.ru/intellect/books/index.htm>

Электронная почта: dialtime@gmail.com

Бригадир выпуска — М. М. Горелов

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».

117312, г. Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, д. 9.

Формат 60×90/16. Тираж 600 экз. Печ. л. 26. Зак. № 1819.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, г. Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, д. 11А, стр. 11.

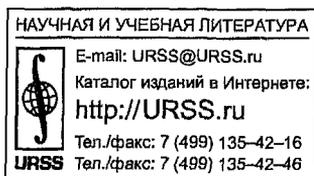
ISBN 978-5-397-00123-6

© Общество интеллектуальной истории, 2008

© Институт всеобщей истории РАН, 2008

© Журнал «Диалог со временем», 2008

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008

6513 ID 83394

В. В. ПУЗАНОВ

ВЛАДИМИР МОНОМАХ И ХРИСТИАНСТВО

Христианские добродетели Владимира Мономаха были хорошо известны современникам. Митрополит Никифор, например, специально подчеркивал, что Владимир строго соблюдал посты, в том числе воздерживаясь от употребления вина и пива¹. На Руси, где посты довольно часто не соблюдались ни верхами, ни низами общества², это привлекало внимание. Не случайно, Никифор не преминул отметить, что все видели такое благочестивое поведение князя и удивлялись³. Необычным для того времени стал и отказ Владимира от мести за смерть сына Изяслава, погибшего в ходе усобицы с Олегом Святославичем⁴. По словам А. Г. Плахонина, для самого Владимира Мономаха это был выбор «между язычеством и христианской моралью»⁵. В свете сказанного, не лишено оснований предположение, «что князь, с присущим ему примерным правоверием, сформировался как личность под влиянием» матери-гречанки, «вопреки далеко не во всем христианской обстановке двора»⁶.

Однако набожность Владимира объясняется не только (и, может быть, даже не столько) воспитанием матери. В бурной, наполненной опасностями жизни князя имели место знаковые события,

---

¹ Послание митрополита Никифора Владимиру Мономаху о посте // Философские и богословские идеи в памятниках древнерусской мысли. М., 2000. С. 284.

² См.: *Фроянов И. Я.* Начало христианства на Руси. Ижевск, 2003. С. 167-168; *Мильков В. В.* Древнерусское еретичество в идейно-политической борьбе второй половины XII столетия // *Общественная мысль: Исследования и публикации.* М., 1989. Вып. 1; *Баранкова Г. С., Мильков В. В., Полянский С. М.* Комментарии // *Послание митрополита Никифора...* С. 299-300, коммент. 89.

³ *Послание митрополита Никифора...* С. 284.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 252-256.

⁵ См.: *Плахонин А.* «Сего не бывало в рускѣи земли»; вплив візантійського права та пережитки кровної помсти в князівському середовищі // *Соціум. Альманах соціальної історії.* Вып. 3. Київ, 2003. С. 204.

⁶ *Баранкова Г. С., Мильков В. В., Полянский С. М.* Указ. соч. С. 300, коммент. 90. Фраза «вопреки далеко не во всем христианской обстановке двора» лишена конкретной смысловой нагрузки. Вряд ли имелся когда-либо в природе двор, в котором обстановка «во всем» была христианской.

которые должны были укрепить его в вере. Так, по сообщению Киево-Печерского патерика (далее — КПП), в период своего черниговского княжения Владимир Мономах тяжело заболел. Лечение искусного врача, «армянина верою», только усиливало недуг. Отчаявшись, находившийся на смертном одре князь обратился к игумену Киево-Печерской обители, прося послать к нему в Чернигов блаженного Агапита-лечца, обладавшего даром исцеления. Однако Агапит, давший обет Господу никогда не покидать монастырских стен, отказался делать какое бы то ни было исключение для князя. Видя непоколебимость блаженного, княжий посланник стал умолять его передать умирающему целебное зелье. Нехотя, под давлением игумена⁷, Агапит послал Владимиру снадобье и «егда же князь вкуси зелиа, ту абие здрав бысть».

Владимир, возжелав отблагодарить своего спасителя, явился в обитель с богатыми дарами. Почтенный мних, однако, уклонился от встречи, и князь вынужден был оставить подарки игумену. Не успокоившись на этом, Владимир, со временем, послал к Агапиту «единого от бояр своих со многими дары». Посланный, войдя в келью к монаху, положил приношение, но Агапит ответил: «О чаддо, николиже ни от кого же что взях, ныне ли погублю мзду свою злата ради, егоже не требую ни от кого же?». Боярин настаивал: «Отче, весть пославый мя, яко не требуеши сего, но мене деля утеши сына своего, емуже даровал еси здравие, се прими, дай же нищим». Мних, боярина ради, согласился принять дары, но велел передать князю: «Вся, еже имель еси, чюжа бяхуть, тебе, отходящу, не могущу взятии с собою, ныне раздай же требующим, яко сего ради избавил тя Господь от смерти, аз бо ничтоже ти бых успель. Не же ся ослушай, да не постражеши того же». Взяв дары, Агапит выбросил их из кельи и скрылся. Боярин поведал о случившемся Владимиру. «Князь же не сме преслушатися чернца, но все имение свое раздасть нищим по словеси блаженаго»⁸.

---

⁷ «Принуждены же бывъ игуменом, даст ему зелие от своса яди, да даст болящему» — Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик: Волоколамский патерик. М., 1999. С. 40.

⁸ Там же. С. 40-41. Ср. в «некрологе», помещенном на смерть князя в Лаврентьевской летописи: «...И не щадяше имения своего, раздавая требующим...» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 294).

Таким образом, опыт общения с Агапитом должен был на примере спасения собственной жизни убедить Владимира Мономаха в том, что, во-первых, земные богатства князя на самом деле ему не принадлежат, поскольку, умирая, он не сможет их взять с собой; во-вторых, князь должен раздать все свое имение нуждающимся, поскольку ради этого его Бог (а не Агапит), избавил от смерти; в-третьих, если князь не поступит по слову Агапита, то подвергнется, по воле Божьей, новой смертельной опасности.

Князь, по-видимому, внял урокам старца и воспринял свое спасение как милость Господа, избавившего его от смерти для того, чтобы он подавал милостыню нуждающимся и защищал их⁹. Не случайно первая заповедь Владимира в «Поучении детям» гласит: «Первое, Бога деля и душа своя, страх имейте Божий в сердце своем и милостыню творя неоскудну, то бо есть начаток всякому добру»¹⁰. Далее, мотив милостыни, исходящей от праведного, занимает видное место в подборке цитат из псалмов¹¹. Милостыня, наряду с покаянием и слезами, относится князем к 3-м добрым делам, искупающим грехи¹². Не наставление ли Агапита звучит в словах Владимира: «А Бога деля не ленитесь, молно вы ся, не забываете 3-х дель техъ: не бо суть тяжка; ни одиночество, ни чернечество, ни голодъ, яко инии добрии терпятъ, но малым деломъ оулучити милость Божью»¹³; «Куда же поидете, идеже станете, напоите, накормите оунеина»¹⁴, а также: «Избавите обидима, судите сироте, оправдаите

---

⁹ Конечно, христианин не мог не воспринять свое спасение, как милость Божью. Однако слова Агапита не только укрепили князя в этой вере, но и раскрыли глубинный смысл Божьей милости, предопределили модель поведения.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 241.

¹¹ См.: Пузанов В.В. «Гадание» Владимира Мономаха...: опыт реконструкции // Исследования по Русской истории и культуре: Сборник статей к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. М., 2006. С. 186-225.

¹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 243-244.

¹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 244. И. М. Ивакин обратил внимание на параллели: в Прологе — «участа же (св. Василий Вел. и преп. Ефрем) творити добрая дела — молитве, посту, въздержанию, кротости, смиренню, милостыни: та бо нетрудно въ царство небесное вводитьъ»; «во Второзаконии: заповедь, юже азъ заповедаю ти днесь, не тяжка есть (XX. 11)». «Мысль о том, что монашество не единственный путь ко спасению, довольно обычна» в древнерусских памятниках (См.: Ивакин И. М. Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1: Поучение детям; Письмо к Олегу и отрывки. М., 1901. С. 99-101).

¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 246.

вдовицю»¹⁵, и далее «Всего же паче оубогых не забывайте, но елико могуще по силе кормите, и придавайте сироте, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте сильным¹⁶ погубити человека. Ни права, ни крива не оубивайте, ни повелевайте оубити его: аще будеть повинень смерти, а душа не погубяете никакаяже хрестьяны»¹⁷. «Тоже и худаго смерда и оубогые вдовице не даль есмь сильным обидети...»¹⁸.

Возможно, именно пример и слова Агапита пробудили во Владимире Мономахе то трепетное отношение и к другим христианским добродетелям, которое он старался передать своим детям: «Паче всего гордости не имейте в сердци и въ оуме, но рцемь: смертни есмь, днесь живи, а заоутра в гробь; се все честны еси вдаль, не наше, но твое, поручил ны еси на мало днии, и в земли не хороните, то ны ест великъ грехъ»¹⁹. Тот же мотив встречается и в Письме Олегу: «А мы что есмь, человеци грешнии лиси? — днесь живи, а оутро мертви, днесь в славе и въ чти, а заоутра в гробе и бес памяти, ини собранье наше разделять. Зри, брате, отца наю: что взяста или чим има пороте? Но токмо оже еста створила души свои»²⁰.

Разумеется, «заповеди Агапита» полностью соответствуют общехристианским нормам, и могли быть усвоены Владимиром Всеволодовичем при иных обстоятельствах и от других учителей. Тем более что многие источники «Поучения» в этой части известны. Но не следует недооценивать наглядности уроков Агапита. Одно дело — отвлеченные наставления и нравоучения (будь то устные или письменные), и совсем другое — действенность нравственного примера, преподанного в состоянии между жизнью и смертью.

Другой, важный эпизод из жизни Владимира Мономаха, который мог повлиять на практическое осознание князем важности христианских ценностей, — трагические обстоятельства гибели в 1093 г. младшего брата Ростислава. Согласно КПП, Ростислав Все-

¹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 243.

¹⁶ В Изборнике 1073 г., пророка Захарии: «Судь правьдньн соудите, и милость штедрогы створите къждо къ ближньюоумоу и вьдовоу и сиротоу и пришьльца не насиляйте и зьлоби къждого брата своего не помните... и клятвы льживы не любите» (См.: *Ивакин И. М.* Указ. соч. С. 116).

¹⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 245.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 251.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 245–246. Ср.: Изборник 1076 г. (См.: *Ивакин И. М.* Указ. соч. С. 127–128).

²⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 253.

володович накануне похода на половцев направился с дружиной в Печерский монастырь для молитвы и за благословением. По пути у него произошел конфликт с монахом, который предсказал князю и его спутникам смерть от воды. Ростислав велел утопить инока. Пребывая в ярости, князь «не восхоте благословения» и не пошел в обитель. «Володимеръ же вниде в монастырь молитвы ради». Когда русские князья у Треполя побежали от половцев и начали переправляться через Стугну, Владимир «молитвою прееха реку..., Ростислав же утопе...»²¹. ПВЛ не сообщает о неблагочестивом поступке Ростислава, зато сочными красками рисует драматичную картину переправы: «И прибегоша к реце Стугне, и вбрде Володимеръ с Ростиславомъ, [и] нача оутопати Ростиславъ пред очима Володимерима. И хоте похватити брата своего и мало не оутопе самъ. И оутопе Ростиславъ, сынъ Всеволожь. Володимеръ же пребредь реку с малою дружиною, — мнози бо падоша от полка его, и боляре его ту падоша, — и перешедь на ону сторону Днепра, плакася по брате своемъ и по дружине своей, и иде Чернигову печалень зело [...] Ростислава же искавше и обретоша в реце...»²².

Можно только предполагать, насколько эти события должны были потрясти Владимира Всеволодовича. На его глазах начинал тонуть младший брат. Владимир пытается подхватить его, и, видимо, вслед за Ростиславом уходит под воду. Каким образом спасается сам князь, или кто его спасает, неизвестно. Но суть, в общем-то, ясна: пытаюсь помочь согрешившему брату (вернее — помешать свершиться Божьему правосудию), Владимир Мономах сам едва не погибает. Господь в очередной раз спасает князя, но и предостерегает.

В «Поучении» Владимир Мономах нигде прямо не вспоминает ни о болезни и исцелении, ни о трагической гибели младшего брата. Более того, Ростислав упомянут в тексте «Поучения» лишь однажды («...с Ростиславом же оу Варина веже взяхом»)²³. И все же, как нам представляется, скрытые намеки и на болезнь, и на события связанные со смертью Ростислава в «Поучении» есть. Так, Владимир эмо-

²¹ КПП. С. 45.

²² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 220–221.

²³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 249. В литературе высказывались сомнения в том, что речь здесь идет о Ростиславе Всеволодовиче (см.: *Вилкул Т. Л.* К портрету Мономаха: тексты и версии // Вестник Удмуртского университета. 2004. № 3. Серия: История. С. 5).

ционально и образно рассказывает о своих охотничьих подвигах в период черниговского княжения, о том, каким опасностям подвергался от диких зверей, падал с коня и дважды разбивал голову, руки и ноги калечил, и спасся благодаря Господу²⁴. Не лежал ли князь при смерти после одного из случаев на охоте, когда его врач оказался бессильным и потребовалась помощь Агапита?

В конце «Поучения» Владимир возвращается к этой теме. Он подчеркивает, что не хвалит ни себя, ни своей смелости, но только Бога, который его «селико лет сблюод от техъ час смертныхъ...». Убедая детей не бояться смерти «ни рати, ни от звери», и творить мужское дело «како... Богъ подасть», князь продолжает: «... оже бо язъ от рати и от звери и от воды, от коня спадааяся, то никто же вас не можеть вредитися и убити, понеже не будет от Бога повелено... Божие блюденъе леплее есть чловецьскаго»²⁵. Таким образом, наряду с прочими, традиционными уже опасностями (война, охота, падение с коня) фигурирует и спасение от воды. Не о событиях ли 1093 г. здесь речь? Тогда понятно, почему прямо не говорится и о смерти Ростислава: поведение последнего накануне злощастной битвы отнюдь не красило ни его самого, ни его род.

Была в жизни князя и встреча с «послами братьев» на Волге, заставившая обратиться его к гаданию по Псалтири, которое открыло Владимиру Мономаху нечто такое, что он уверовал в свою избранность и решил не только зафиксировать результаты этого гадания, но и сопроводить их «Поучением»²⁶. Не менее показателен еще один пример из жизни Владимира Мономаха, хотя он, видимо, и не был столь же значим для утверждения князя на стезе христианских добродетелей и формирования у него убежденности в собственной богоизбранности, как и упомянутые выше. Владимир, впитавший и византийские, и русские традиции, как представляется, весьма серьезно относился ко всем видам клятвы, даже к языческой роте, которая осуждалась церковью и не считалась для христианина обязательной к выполнению²⁷. Из ПВЛ известно, как неохотно князь

---

²⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 251.

²⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 251–252.

²⁶ См.: Пузанов В. В. Указ. соч.

²⁷ О различии роты и крестоцелования см.: Стефанович П. С. Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси // Средневековая Русь. Вып 5. М., 2004. С. 98–110.

дал свое согласие на избиение половецких послов (Итларевой чади): «Какое се могу створити, роте с ними ходивь». Только ответ дружины: «Княже! Нету ти в томъ греха; да они всегда к тебе ходяче роте, губять землю Русьскую, и кровь хрестьянску проливают бесперестани»²⁸ якобы склонил его к принятию трудного решения²⁹. Вполне вероятно, впрочем, что летописец в данном эпизоде просто выгораживает Мономаха. Однако сам факт подобной записи, показывает, что: 1) участники тех событий с русской стороны и спустя годы вспоминали данный эпизод не без «осадка» в душе; 2) русские, в условиях обострения русско-половецкого противостояния пытались приспособиться к действиям нового противника и выработывали новые приемы борьбы с кочевниками; 3) эти приемы могли идти в разрез с многовековыми традициями восточнославянского общества и не вполне одобряться им; 4) требовалось определенное идеологическое обоснование, которое легитимировало бы несоблюдение роты в отношении половцев и сформировало бы лояльные отношения к такой практике в древнерусском обществе (по принципу — раз они так поступают, то и нам можно).

Вместе с тем, в «Поучении» Владимир Мономах говорит об этом событии достаточно нейтрально, упоминая его в числе других своих трудов и подвигов: «И паки Итлареву чадь избиша, и вежи ихъ взяхом, шедше за Голтавомь»³⁰. Нет ли здесь противоречия? С одной стороны, летопись рисует князя весьма удрученным тем, что он вынужден преступить роту, а с другой, сам Владимир в Поучении рассказывает об этом эпизоде, как об одном из своих подвигов? Умалчивая, правда, и это тоже показательно, о роте.

Возникает закономерный вопрос: а не способствовал ли этот случай, в той или иной степени, укреплению христианских принципов князя? Ведь человек, совершивший неблаговидный поступок нуждается в оправдании, а только христианство могло оправдать нарушение клятвы, данной язычникам, тем более что саму роту рассматривало как грех. И не советовался ли он по этому поводу, что вполне естественно, с духовенством. Вопрос же о роте половцам в своем «Поучении» обходит стороной, по ряду причин. Во-

---

²⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 227.

²⁹ Подр. см.: Толочко П. П. Дворцовые интриги на Руси. Киев, 2001. С. 73-78.

³⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 249.

первых, это, все-таки, было не вполне социально престижное деяние. Если избиением половцев гордиться можно было, то способом оно-го — вряд ли. Во-вторых, как христианин, Владимир, возможно, просто пытался не будоражить лишний раз проблему роты. Ведь для христиан рота, тем более иноверцам, не существует. Такая позиция, быть может, успокаивала потревоженную совесть Мономаха. Иное дело — целование креста. Владимир не случайно акцентирует на этом внимание в «Поучении»³¹. Если это так, то тогда снимается и противоречие между ПВЛ и «Поучением» по вопросу об Итларевой чади. С одной стороны, Владимир гордится тем, что не нарушал крестного целования³² (а его он, действительно, видимо, не нарушал), а с другой — в число трудов и подвигов вносит избиение Итларевой чади, которой, незадолго перед этим, *ходил роте*.

Не в этом ли отношении христианина к язычникам заключался секрет особого успеха Владимира Мономаха в борьбе с половцами? В отличие от других князей, в той или иной степени скованных языческими условностями, он поступал в отношении врагов рода *русского, христианского* как библейские герои в отношении врагов иудейского народа?

В «Поучении детям» идеал доброго христианина, облеченного княжеской властью, в понимании самого Владимира Мономаха, предстает в наиболее полном и законченном виде. Главным для Владимира было показать, что соблюдение декларируемых им христианских норм вполне возможно, что лично он всегда имел страх Божий в сердце, и действовал по правде. Перефразируя Р. Пиккио³³, можно сказать, что Владимир Мономах не столько обращался к наиболее авторитетным религиозным текстам, сколько истолковывал выполнение церковных предписаний в княжой политике. И эта «церковная теория» и применение ее в практике княжеской деятельности, на первый взгляд, довольно сильно разнятся. Напри-

---

³¹ «Аще ли вы будете крестъ целовати к братъи или г кому, а ли оуправивъше сердце свое, на нем же можете оустояти, тоже целуйте, и целовавшие блюдете, да не, приступни, погубите душе свое» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 245).

³² «Аще вы ся и гнева[е]те, не могу вы я ити, ни креста преступити» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 241).

³³ «Наставительный характер произведения заставляет нас поверить в то, что автор ... не столько обращался к наиболее авторитетным религиозным текстам русской Церкви, сколько истолковывал определенные предписания церковной политики» (Пиккио Р. История древнерусской литературы. М., 2002. С. 61).

мер, по мнению Р. Пиккио, в автобиографической части «Поучения» «идеализированный образ благочестивого князя уступает ... место человеку, обремененному тяжелыми заботами и не всегда одушевленному кротостью и благодушием»³⁴. По словам А. М. Панченко, «... в князем ремесле в мирском поведении десятословие и нагорная проповедь им нимало не учитывались»³⁵. О том, что декларируемые в наставлениях идеалы Владимира Мономаха не согласуются с фактами из его «автобиографии» ведет речь и Е. Л. Конявская. «Например, — пишет она — рассказывая о походе с отцом на Полоцк, автор спокойно констатирует: “Ожьгыше Полтескъ”. Не стыдится он упомянуть, что, пойдя в союзе с половцами на Минск, “не оставихом у него ни челядина, ни скотины”»³⁶.

Но так поведение Владимира воспринимает современный исследователь, а не современник Мономаха и не сам князь. Для Владимира Всеволодовича, как и для его современников, описанный в «автобиографии» тип поведения князя, несомненно, общественно-одобряемый. Мономах, судя по всему, был искренне уверен в праведности своей жизни, которая могла служить наглядным образцом и для его сыновей, и для других князей. Если Владимир и являлся не вполне «нормальным» в плане благочестия, то «в обратную сторону». Далек не все князья были настолько благочестивы, как описанный в «Поучении» главный его герой. Причем изображенный в «Поучении» Владимир действовал, как и подобает «хорошему князю», не только в тех случаях, когда расправлялся с «погаными», но и в тех, когда брал на щит враждебные ему русские города и обращал в рабов их жителей. Владимир Мономах, действительно, не только не раскаивался по поводу того, что участвовал в сожжении Полоцка, с черниговцами и половцами разорил Минск, не оставив в нем «ни челядина, ни скотины», но и ставил эти деяния в длинный ряд своих подвигов³⁷. Но почему он, собственно говоря, должен был раскаиваться? Так поступали с врагами и до, и после него. Да и библейские герои, на которых равнялись благочестивые князья, были ли более

---

³⁴ Там же. С. 62-63.

³⁵ Панченко А. М. Эстетические аспекты христианизации Руси // Русская литература. 1988. № 1. С. 59.

³⁶ Конявская Е. Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI — середина XV в.). М., 2000. С. 53-54.

³⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 247-248.

милосердны к противнику? Князю, в первую очередь, следовало заботиться о вверенной ему земле, а для этого наводить страх на реальных и возможных врагов³⁸. Что же касается защиты христиан, то она понималась, прежде всего, как защита от иноверцев. И здесь Мономах мог с гордостью заявить, что многих «сблодь по милости своеи и по отни молитве от всех бедь»³⁹. Сходные оценки превалировали и в обществе. Поэтому трудно согласиться с Е. Л. Конявской, что «уроки», преподанные Владимиром Мономахом своим детям, «не выводятся непосредственно из его жизнеописания»⁴⁰.

Главное для князя, согласно «Поучению» — достичь царствия небесного и наставить на тот же путь спасения своих детей. В принципе, та же цель, что и для любого доброго христианина. О важности ее достижения для средневекового человека свидетельствует, например, введение догмата о чистилище у католиков⁴¹. Русские христиане эпохи Владимира Мономаха в не меньшей степени, чем их западноевропейские братья во Христе, нуждались в спасении⁴². Показательно, что в это время на Руси, судя по всему, широко были распространены слухи о том, что люди, обремененные семьями, спастись не могут⁴³, что спасение удел избранных — иноков. Духовенство и, как увидим, Владимир, пытались их опровергнуть. Но, человеку не только свойственно преувеличивать стоящие перед ним трудности, но и искать легкие пути их преодоления. Владимир здесь не исключение. Князь, как, видимо, и основная масса населения, пытается достичь спасения, если так можно выразиться, «малым потом». Его решение проблемы представляется гениально простым и эффективным. Читая соответствующую литературу⁴⁴ и, видимо, «спрошая» у духовенства, Владимир находит, как ему кажется, уникальную и необременительную «формулу» достижения царства небесного: покаяние + слезы + милостыня = царство небес-

---

³⁸ См., например, молитву Иллариона.

³⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 241.

⁴⁰ Конявская Е. Л. Указ. соч. С. 53.

⁴¹ См.: Гуревич А. Я. Избранные труды. Т. 2. Средневековый мир. М.: СПб., 1999. С. 247-248.

⁴² Но на Руси эта «потребность» в рассматриваемое время, видимо, не стала еще массовой, в силу уровня христианизации Руси.

⁴³ См. Неделя 18 по всех святыхъ. Слово о князьях // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век. СПб., 2000. С. 228.

⁴⁴ Заметны здесь параллели с Изборником 1076 г.

ное⁴⁵ (а фактически: покаяние и слезы + милостыня = царство небесное)⁴⁶. Поражает, с какой настойчивостью Владимир умоляет детей следовать этому правилу и с глубокими отцовскими переживаниями за судьбу своих чад пытается втолковать им, что не тяжела эта заповедь Божья: «А Бога дея не ленитесь, молю вы ся, не забывайте 3-х дель техъ: не бо суть тяжка; ни одиночество, ни чернечество, ни голодь, яко инии добрии терпятъ, но малымъ деломъ оулучити милость Божью»⁴⁷. Создается впечатление, что он меньше переживает за их земную жизнь⁴⁸, чем за жизнь небесную. Это вполне объяснимо. Средневековый человек, конечно, боялся смерти. Но еще больше он боялся погубить свою душу и, тем самым, обречь ее на вечные муки. Поэтому и поучая детей, и иллюстрируя эти поучения своими делами, Владимир обращает внимание на те дела, которые грехи «избывают». Желательно было избежать и проклятия со стороны своего населения. Именно этим Владимир мотивирует необходимость следить, чтобы отроки в селах не набедокурили: «Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости деяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селех, ни в житех, да не кляти вас начнуть»⁴⁹.

При чтении «Поучения» складывается впечатление, что вследствие напряженного ритма жизни, Владимиру Мономаху было не до воспитания детей в духе христианского благочестия. И необходимость учиться, о которой он неоднократно упоминает в своем «Поучении», видимо, рассматривалась как средство повышения престижа. Приводимый в связи с этим пример из жизни его отца Всеволода, который «дома седя изуменяше 5 языкъ», в качестве мотивации подразумевает уважение и честь от других стран⁵⁰, а не возможности, скажем, изучения Св. Писания. Сам Владимир Мономах,

---

⁴⁵ «Господь наш показал ны есть на врагы победу, 3-ми дель добрыми избыти его и победити его: покаянемъ, слезами и милостыню. Да то вы, дети мои, не тяжка заповедь Божья, оже теми дель 3-ми избыти греховъ своихъ и царствия не лишитися» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 243–244).

⁴⁶ Ср.: «Первое, Бога дея и душа своя, страх имените Божий в сердци своемъ и милостыню твори неоскудну, то бо есть начаток всякому добру» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 241).

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 243–244.

⁴⁸ Ср. с Письмом к Олегу.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 246.

⁵⁰ «Якоже бо отецъ мой дома седя изуменяше 5 языкъ, в томъ бо честь есть от инехъ земель» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 246).

судя по вышедшим из-под его пера текстам, Св. Писание знал не плохо по меркам древнерусского общества. О степени же познаний в этой сфере своих детей Владимир, похоже, не ведал, но, видимо, отдавал себе отчет в том, что Мономашичи, скорее всего, молитв толком не знают, за исключением «Господи помилуй». Казалось бы, заботливый отец, потративший столько усилий на переписывание «святых словес», должен был посоветовать сыновьям восполнить этот пробел. Ничего подобного. Владимир, как и в случае с «формулой» спасения души, направляет их по самому простому пути: «Аще и на кони ездяче не будеть ни с кым орудья, аще инех молитвъ не оумеете молвити, а «Господи помилуй» зовете беспрестани, втаине: та бо есть молитва всех лепши, нежели мыслити безлепицю ездя»⁵¹. То есть, главное, в период вынужденного (пусть и относительного) безделья, не пускать в голову пустые и не вполне пристойные мысли, и использовать это время с пользой для души, творя беспрестанно молитву. «Господи помилуй» для этого вполне достаточно.

Трудно счесть обременительным и такое пожелание: «Аще вы Богъ оумякчить сердце, и слезы своя испустите о гресех своих, рекуще: якоже блудницу и разбойника и мыгтаря помиловаль еси, тако и нас грешных помилуй! И в церкви то деите и ложася. Не грешите ни одну же ночь, аще можете, поклонитися до земли; а ли вы ся начнеть не мочи, а трижды»⁵². «Не забывайте» того и «не ленитесь», продолжает наставлять детей Владимир Мономах, «темь бо ночным поклоном и пеньем человекъ побежает дьявола» и искупает дневные грехи⁵³.

---

⁵¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 245. На возможную связь этого совета с Изборником 1076 г. в отношении к немногословной молитве («Рече старьць не премоудрии молитвы своя многы(ми) словесы. да не пыгание словесьное раздвоить ся оумь. едино бо слово. мьздонмьче Бога оумоли...») указывал Н.А. Мещерский (*Мещерский А. Н.* Избранные статьи. СПб., 1995. С. 86-87). Возможно, такая зависимость имела место. Однако в «Изборнике», видимо, речь шла о краткости молитвы в соответствии с христианской традицией, восходящей к Новому завету, освящающему ее словом самого Иисуса Христа: «Молящиеся же не лишше глаголите, якоже язычници...» и т. д. (Матф. 6, 7-13). Владимир же краткость истолковывал сообразно конкретной ситуации, своим воззрениям и, видимо, уровню познаний в этой сфере русского князя того времени. Возникает закономерный вопрос: «Неужели княжичи могли даже не знать «Отче наш»?» — молитву, данную самим Иисусом Христом (Матф. 6, 7-13; Лук. 11, 1-4).

⁵² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 245.

⁵³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 245.

Однако князя заботило не только спасение душ его чад. Их «земная безопасность» ему тоже дорога, и он, умудренный опытом, дает им вполне практические советы, которые должны были способствовать как победам на рати, так и сохранению жизни: «На воину вышедъ, не ленитесь, не зрите на воеводы; ни питью, ни едню не лагодите, ни спанью; и стороже сами наряживайте⁵⁴, и ночь, отовсюду нарядивше около вои тоже ляжите, а рано встанете; а оружья не снимайте с себе вборзе, не розглядавш ленощами, внезапно бо человекъ погыбаеть»⁵⁵. Но смерти бояться не должно, ни от рати, «ни от звери, но мужьское дело» творить «како... Богъ подасть. Оже бо язъ от рати, от звери, и от воды, от коня спадася, то никто же вас не можеть вредитися и оубити, понеже не будет от Бога повелено. А иже от Бога будеть смерть, то ни отецъ, ни мати, ни братья не могутъ отъяти, но аче добро есть блюсти, Божие блюденъе леплее есть человекьскаго»⁵⁶.

Заботится князь и о престиже своих сыновей, как хозяев и правителей, о том, чтобы их деятельность воспринималась обществом в выгодном ракурсе⁵⁷. А для этого, помимо надлежащего исполнения своих функций, князь не просто должен быть близок к людям, он должен быть близок, буквально, каждому, и в повседневной будничности, и в печали⁵⁸. Ну и конечно, высокому социальному статусу

---

⁵⁴ Дисциплина в древнерусской армии, видимо, была не на высоте, даже по средневековым меркам. ПВЛ, сообщая о боевых действиях, неоднократно отмечает факты неповиновения князьям, самовольного принятия решений войнами. О проблемах с дисциплиной свидетельствуют и иностранные источники. Особенно, если анализировать сообщения Генриха Латвийского, страдала караульная служба (См.: Пузанов В. В. «Хроника Ливонии»: военная организация на Руси первой четверти XIII века глазами крестоносца // Вестник Удмуртского университета. 2004. № 3. Серия «История». С. 92-106).

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 246.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 252; Стб. 252, примеч. к.

⁵⁷ «В дому своемъ не ленитесь, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмеются приходящи к вам ни дому вашему, ни обеду вашему. [...] Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости деяти отрокомъ, ни своимъ, ни чужимъ, ни в селех, ни в житех, да не кляти вас начнуть. Куда же поидете, идеже станете, напоите, накормите оунеина; и боле же чтите гость, откуда же к вам придетъ, или простъ, или добръ, или соль, аще не можете даромъ, брашном и питьемъ: ти бо мимоходячи прославятъ человека по всемъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 246).

⁵⁸ «Болнаго присетите; надъ мертвеця идете, яко вси мертвени есмы. И че-

князя должен соответствовать его моральный облик⁵⁹. Трудно сказать, кто первым догадался, что «повторение — мать учения». Владимир, судя по всему, уже знал это нехитрое правило: «Аще забываете всего, а часто прочитайте: и мне будет бе-соромы, и вамъ будетъ добро»⁶⁰.

Несомненно, что в эпоху Владимира Мономаха христианство пустило достаточно глубокие корни в сознании высших слоев общества и населения крупных городов. Будь это иначе, вряд ли бы христианские пассажи князя могли достичь цели. А он здесь рассчитывал на определенный резонанс. Даже если допустить, что «Поучение» писалось для узкого круга лиц, то письмо Олегу, по своей форме подлежало более широкой огласке. И если отправитель апеллировал к христианским ценностям, то, следовательно, он рассчитывал на определенный и, понятно, положительный резонанс. Конечно, по формальным меркам даже князя в рассматриваемое время оставались еще во многом язычниками. Но ведь сами эти «язычники» считали себя христианами. И Владимир оперировал к этому христианскому самосознанию «язычников», наглядно показывая, что он тверже остальных в вере, а, следовательно, и выше. Эти своеобразные «проповеди» князя ложились на благодатную почву, особенно в условиях обострения противостояния с половцами. Внешний фактор также способствовал укоренению православия на Руси. Фактически противостояние выливалось не только в этническую, но и в религиозную форму: нападениям язычников противостояли христиане. Надо отдать должное Русской церкви, которая оперативно среагировала на изменившуюся ситуацию и своей проповедью христианского братолюбия противостояла усобицам, а выведением конфликта в межрелигиозную плоскость содействовала мобилизации сил для борьбы с половцами. Это был мощный идеологический фактор, оказывавший все большее и большее воздействие на общество. Взгляды Владимира Мономаха хорошо вписывались в эти тенденции.

Говоря об особом месте Владимира Мономаха среди русских князей, о том, что его мать была гречанкой, носителем богатых

ловека не минете, не привечавше, добро слово ему дадите» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 246).

⁵⁹ «Лже блюдиша, и пьянства, и блуда, в томъ бо душа погыбаеъ и тело»; «Жену свою лобите, но не дайте имъ надъ собою власти» ПСРЛ. Т. 1. Стб. 246.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 246.

христианских традиций, не будем забывать, что и по отцовской линии он являлся христианином уже в 4-м поколении. К началу XII в. в крупных городах большинство населения являлось христианами в 4-м и более поколениях. И если мы внимательно присмотримся к княжеской и боярской среде, то христианские добродетели Владимира Мономаха, конечно, не померкнут, но и не покажутся совсем уж исключительными. Например, сам Владимир признается, что отказывается от кровной мести Олегу за гибель Изяслава его побудило смирение старшего сына Мстислава⁶¹.

Показателен в этой связи и образ современника Владимира Мономаха, его двоюродного брата, Давида Святославича, в «Слове о князьях». Давид, согласно «Слову...», ни к кому не питал вражды, усмирал поднявшихся на него ратью покорностью («покорениемъ своимъ»), если кто из князей «кривду створяше к нему..., он же все на себе притираше»⁶². Давид был необычайно крепок в соблюдении крестоцелования. Настолько, что соблюдал его даже тогда, когда другие по отношению к нему самому не соблюдали⁶³. Святославич никого не обижал, никому не творил зла, и «братья же его» за это «вси слушахуть его, яко отца, и покоряются ему, яко господину». Как следствие всего этого — «въ велице тишине бысть княжение его». За такое благочестие прославил Бог угодника своего: перед смертью князя явился ангел в облике голубя и сел ему на грудь, после чего умирающий «душу испусти»; терем, где находилось тело князя, наполнился благоуханием; явилась звезда на небе и встала над телом князя; солнце, по велению господя, не заходило до тех пор, пока князя не положили в гроб. Здесь же, на примере Давида опровергаются «некия невегласы», утверждавшие, что имеющим семьи спастись невозможно: «Се бо князь не единъ домъ имеаше но многи, князь всеи земли Черниговьской»⁶⁴.

Таким образом, Владимир Мономах — личность столь же сложная, сколь и яркая — в проявлении своих религиозных взглядов и христианской модели поведения отражает важнейшие черты своего времени.

---

⁶¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 252.

⁶² Неделя 18 по всехъ святыхъ. Слово о князьяхъ. С. 226-228.

⁶³ «Кому ли крестъ целоваше, въ весь животь свои не ступаше. Аще кто къ нему не исправляше целования, он же одинако исправляше...» (Там же. С. 228).

⁶⁴ Там же. С. 228.